ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ВЕЛИЧЕСТВЕННА И ПРЕКРАСНА. НЕОБХОДИМО, ЧТОБ ЛИТЕРАТУРА ДОСТИГЛА ВЫСОТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

М. Горький

Завтра исполняется 25 лет со дня смерти Алексея Максимовича Горького. Наследие великого писателя огромно, неисчерпаемо. Нам дороги каждая строчка, каждое горьковское слово.

А. М. Горький с огромным вниманием и чуткостью относился к писательской молодежи. Прочитывая горы рукописей и сотни писем, беседуя с авторами с глазу на глаз, А. М. Горький учил молодых писателей правдиво отображать жизнь народа, терпеливо и упорно овладевать мастерством.

Мы публикуем сегодня ряд новых или малоизвестных архивных документов, характеризующих Горького—собирателя творческих сил советской литературы, друга и наставника молодых писателей.

НА ОГОНЬ МАЯКА...

ГОД НА КАПРИ

В России редко найдешь такого писателя, который с первых своих литературных шагов обошелся бы без Горького. Все начинающие, как птицы на маячный огонь, тянулись к нему, зная заранее, что у него они найдут и справедливую оценку своих творений, и его поддержку по устройству рукописи в журнале, если, конечно, она достойна этого. Нужно было удивляться, как он успевал прочитывать горы рукописей и отвечать авторам, подробно разбирая их произведения.

Однажды и мне пришлось обратиться к Алексею Максимовичу. Это было в десятом или одиннадцатом году. Я жил в Лондоне, жил незавидно, как всякий политический эмигрант. Изредка, между дел, пописывал рассказики, которые с трудом удавалось печатать в каком-нибудь тонком журнале. Потом написал большой рассказ «По-темному». Что было мне с ним делать, куда направить? Решил, после долгих колебаний, послать его Горькому. Ровно через шесть дней я уже получил ответ от Алексея Максимовича с одобрением рукописи, при этом сообщил он, что она будет напечатана в ближайшем номере толстого журнала «Современник». Вскоре я действительно с большой радостью увидел свой рассказ напечатанным в поименованном журнале. В другом письме Алексей Максимович давал мне совет, у каких мастеров художественного слова я должен учиться, и просил меня приехать к нему на остров Капри.

Воспользовавшись его любезностью, я в мае месяце 12 года отправился на Капри, где прожил целый год. Это время не прошло для меня даром в смысле учебы... Не раз сам Алексей Максимович, прочитывая мою рукопись, делал мне такие ценные указания, какие не вычитаешь ни в одном литературном учебнике. Там я написал рассказы: «Лишний», «Порченый», «Рассказ боцманмата», которые были впоследствии напечатаны в журналах «Современник», «Современный мир» и «Северные записки».

После Капри я более или менее твердо стал в литературе на собственные ноги.

А. С. НОВИКОВ-ПРИБОЙ.

(Из воспоминаний, написанных в июне 1931 г. для выставки «40 лет творчества А. М. Горького»).

«ЛИТЕРАТУРА — ДЕЛО СОВМЕСТНОЕ»

...Молодым литераторам, приходившим в «Летопись», Горький быстро подавал руку:

— Давайте знакомиться. Пешков. Принесли что-нибудь?

Усаживал в кресло, сам садился на край стула.

Перевернув страничку, произносил с выражением горячего доверия:

— Хочется прочитать что-нибудь хорошее. Мало пишут хорошего.

— И я, по-видимому, тоже — не очень.

— Почему же «не очень». Будем надеяться.

Посетитель поднимается и, приученный неумолимыми законами редакции, робко говорит:

— Через месяц позвоню...

— А вы не звоня...

— Так я через два сам загляну.

— И не через два, а в четверг, в два. Приходите в четверг, потолкуем. Итак, послезавтра...

— Так скоро?

Горький поднимается и говорит как бы с обидой, даже с высокомерием:

— А я — не человек? Мне тоже, чай, хочется почитать на ночь... что-нибудь, этакое...

И щелкнет пальцем в воздухе.

...Писателю, принесшему новеллу в духе тогдашней литературы, тут же прочитанную:

— Новелл, горе какое, не печатаем. А печатаем что-нибудь поближе к жизни. Обдумайте; вещи своей пока не рвите. Она может пригодиться декадентам, Федору Сологубу. Все же рекомендую, сделайте паузу, поглядите на жизнь и жизни дайте приглядеться к вам. Литература — это, изволите-ка видеть, дело совместное.

Горький покашлял; поглядел в платок:

— Совместное с жизнью.

Молодой человек тихо удаляется. А. М. провожает его к дверям и тихо гудит, держа платок за спиной:

— Очень прошу, желательна пауза. Думаю, придете к нам. А уж я и наборщики всегда к вашим услугам. Но приносите, пожалуйста, только совместное...

Л. ПАСЫНКОВ.

(«Из встреч с Горьким». Написано в 1947 г.).

ИСКРЕННЕ И ЛЮБОВНО

Алексея Максимовича Горького я лично узнал до революции...

Потом мы некоторое время не видались. А. М. тогда основал журнал «Летопись» на Монетной улице, теперь ул. Скороходова. Как-то раз в этот период В. А. Десницкий сказал мне:

— Горький хочет, чтоб вы зашли в редакцию «Летописи».

Я пришел, мы поговорили, и А. М. отвел меня в отдельную комнату и просто, дружески сказал:

— Возьмите денег! Я знаю, что вы нуждаетесь, — и дал мне денег. Я сказал, что буду в долгу.

На это он ответил:

— Напишите что-нибудь для «Летописи» — рассчитаемся.

Вскоре я принес ему рассказ «Бегун», а когда пришел за ответом, он, шутливо нахмурясь, сказал:

— Ругать буду, да не очень! — я ждал, а он прибавил:

— Вот тут ваш герой пришел в лесную избу, спичек не было, а развел огонь. Это место надо поправить, рассказ беру.

Я до знакомства с А. М. был знаком с Н. К. Михайловским. Михайловский всегда говорил почти одно и то же.

— Я, как критик, вижу, где много лишнего, а где недосказано, но как это исправить, указать не могу! — и познакомил меня с В. Г. Короленко.

Короленко был моим первым учителем, но всегда говорил:

— Мы разных школ — вы Толстовской школы, я Тургеневской. По-моему, не надо так резко и грубо показывать читателю прозу жизни, а вы ее сугубо подчеркиваете, это нехорошо! Читателю нужна романтика.

Короленко был очень добрый, душевный человек, но различие наших стилей чувствовалось всегда, он и Михайловский не были мне близки. В Горьком я чувствовал всегда своего настоящего друга и советчика. Горький не говорил о стиле, он прямо указывал на недостатки или достоинства, и всегда конкретно.

Я помню, как он сказал мне о повести моей «Сувенир».

— Вот он, ваш Мазик! Ведь он полотер, а ноги вы ему не доделали—у него ноги должны быть не такие, как у тех, кто не натирал полов.

Я подумал над этим и переделал Мазику ноги.

Мы редактировали с ним 2-й «Пролетарский сборник». К А. М. со всех концов России шли рукописи от начинающих пролетарских писателей, он все их внимательно читал, каждому старался помочь словом или делом.

А. М. искренне радовался, когда кто-либо из начинающих давал хорошую работу. Кроме Горького, я не знавал писателя, кто бы так искренне и любовно относился к чужому творчеству.

У меня всегда была большая тяга к историческому роману, но только Горький пробудил во мне истинное стремление к этому жанру. В конце 1918 года я поехал в Харьков, А. М. сказал мне:

— Напишите для кинематографа о Феодосии Печерском, там у вас будет материал под руками, непременно напишите!

Приехав в Харьков, я обложился летописями, стал по-серьезному изучать русскую историю и написал (правда, не о Феодосии) о князе-изгое Олеге Святославовиче (пьеса «Гориславич»).

Горький быстро и ясно понимает, есть ли у писателя свое лицо:

— Как всегда, это у вас ни на кого не похоже! — пишет он мне, прочитав «Жизнь мою» — предпоследнюю из моих книг, а на конференции крестьянских писателей сказал, после того как группа ораторов расплывалась с критикой не по существу:

— Личика-то у вас, товарищи, нет! Все вы на одно лицо! Прикоснитесь к первоисточникам, изучайте былину, читайте фольклор!

Опять-таки серьезно, близко и конкретно.

Именно беда современных многих писателей в том, что схема различная, а прием одинаковый у большинства...

Горький был и остался для меня образцом художника и учителя. Других подобных ему я не знаю.

А. П. ЧАПЫГИН.

(Из воспоминаний, написанных в 1931 г. для выставки «40 лет творчества А. М. Горького»).

А. М. Горький. Сорренто, 1926 г. (Малоизвестная фотография)

ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО БУРЕВЕСТНИКА

Вчера в Центральном Доме литераторов под председательством Вс. Иванова состоялся большой вечер, посвященный творчеству великого русского писателя Алексея Максимовича Горького. С воспоминаниями о великом мастере слова выступили К. Чуковский и В. Шкловский. Народный артист РСФСР кинорежиссер Г. Рошаль рассказал о своих встречах с Алексеем Максимовичем.

В заключение состоялся концерт, в котором были исполнены отрывки из произведений Горького.

Пример взыскательности

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ формулы Горького — обобщение больших явлений жизни.

В апреле 1935 года на страницах «Правды» и «Известий» одновременно была опубликована статья Горького «Две пятилетки», посвященная задуманному им коллективному сборнику, целью которого было в художественной форме показать трудовым массам страны результаты их героического труда. Характеризуя этот замысел, Алексей Максимович писал:

«Основная тема нашей книги: социалистический труд как организатор нового человека и новый человек как организатор социалистического труда.

Основная задача книги — изобразить тип людей Советской страны во всем многообразии их характеров, индивидуальных черт, свойств, личных переживаний, с тем, однако, чтобы во всем этом выступал цельный образ нового человека в его революционном развитии.

Основная задача книги: изобразить тип новых людей Советской страны во всем многообразии и разнообразии их характеров, индивидуальных черт, свойств, личных переживаний, показать процесс роста нового человека под влиянием революционного труда.

Иначе: изобразить процесс воздействия коллективного, организованного разума людей на силу и материал природы и процесс влияния практических результатов этого воздействия на «природу человека».

Еще иначе и проще: работа людей по созданию культуры и обратное влияние созданного на тех же людей.

Горький не столько редактировал указанный план, сколько улучшал его. Он считал принципиально важным отметить, что «Две пятилетки», как и все произведения нашей литературы, должны показать героя современности во всей его полноте, так, чтобы раскрылся процесс его формирования и становления. Переходя от одной формулировки к другой, Алексей Максимович все более конкретизировал одно из важнейших положений социалистической эстетики.

Нужно показать взаимодействие делаемого и сделанного на делателя и показать обратное взаимодействие».

Горький упорно искал и не сразу нашел эту формулу. В архиве писателя сохранился ориентировочный план «Двух пятилеток», составленный редакцией этого сборника с участием группы писателей Москвы и Ленинграда, взявшей на себя труд написать его. Некоторые существенные исправления были внесены сюда Алексеем Максимовичем.

Наглядно представим эту работу писателя. Вот две редакции первого абзаца названного документа (слева — первоначальный текст, справа — дополнения Горького):

И показательно, что он не удовлетворился даже последней из только что цитированных формулировок. В сущности, новая ее редакция, как бы предшествующая приведенной нами в начале этой заметки, дана им в речи на совещании о «Двух пятилетках» 16 марта 1935 года. Он писал: «И вот этот оборот человека к его продукции и обратно — влияние продукции на человека — это не удается показать. А это все же нужно. Вот она — диалектика. Она действует везде у нас».

Не трудно увидеть, что мысль писателя восходит к известному положению марксизма: изменяя мир, человек изменяет самого себя. Но Горький не просто воспроизводил это положение. Художник-мыслитель исходил также из своего глубокого понимания процессов социалистической действительности.

Формула Горького — поистине многозначна, она многое объясняет в творческих поисках мастеров советской литературы.

А. ШУМСКИЙ

НА ДВУХ ВЫСТАВКАХ

МОСКВА. «...Горький... крепко связал себя своими великими художественными произведениями с рабочим движением России и всего мира...». Этими словами Ленина открывается книжно-иллюстративная выставка к 25-летию со дня смерти Алексея Максимовича во Всесоюзной государственной библиотеке иностранной литературы.

На стендах — редкие фотографии: Горький и Марк Твен, Горький и Стефан Цвейг, Горький и Анатоль Франс... Экспонированы издания произведений великого советского писателя, переведенные почти на все языки мира. Связь Горького с зарубежной литературой и его влияние на творчество многих ее представителей огромно. На выставке — обширная переписка Алексея Максимовича, воспоминания зарубежных писателей о встречах с Горьким. Книги итальянской писательницы Сибиллы Алерамо рассказывают о ее теплой дружбе с большим мастером слова.

Специальный стенд посвящен изданию серии «Жизнь замечательных людей», созданной по инициативе Горького. В письме к Роллану в 1916 году Алексей Максимович писал:

«Очень прошу Вас написать биографию Бетховена для детей. Одновременно я обращаюсь к Г. Уэллсу с просьбой написать «Жизнь Эдисона», Фритиоф Нансен даст «Жизнь Христофора Колумба», я — «Жизнь Гарибальди», еврейский поэт Бялик — «Жизнь Моисея» и т. д.

Мне хотелось бы при участии лучших современных писателей создать целую серию книг для детей, содержащую биографии великих умов человечества».

ЛЕНИНГРАД. Здесь в залах Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина сегодня открывается книжно-иллюстративная выставка «А. М. Горький в воспоминаниях современников». Центральное место на выставке занимают материалы раздела «В. И. Ленин и А. М. Горький». В разделе «Советские писатели и А. М. Горький» представлены воспоминания современников о Горьком, его переписка с деятелями советской литературы и искусства и т. д. Один из разделов выставки посвящен материалам, характеризующим многосторонние связи Горького с прогрессивными писателями Запада — Р. Ролланом, А. Барбюссом, М. А. Нексе и другими.

В АРХИВЕ А. М. Горького хранится переписка А. М. Горького с А. Д. Камегуловым, продолжавшаяся с октября 1929 по декабрь 1930 года, когда А. Камегулов работал заместителем М. Горького (тогда ответственного редактора журнала «Литературная учеба»). Эта переписка состоит из 22 писем, которые будут опубликованы в очередном томе издания Архива А. М. Горького.

Анатолий Дмитриевич Камегулов (1900—1937) — литературный критик, был членом Союза писателей СССР, делегатом Первого всесоюзного съезда советских писателей. Он — автор книг о творчестве Г. Успенского и Д. Фурманова, ряда статей и рецензий.

Первый в истории советской литературы журнал для начинающих писателей «Литературная учеба» начал выходить с апреля 1930 года. Переписка с А. Камегуловым показывает, как пытливо и настойчиво Горький вникал во все детали журнала, с какой страстной энергией отдавался редакторской работе, требовал, чтобы авторы статей писали проще, строже относились к форме изложения. В письмах Горький разрабатывает обширный план журнала, во многом осуществленный.

С трогательной заботой он относился к Камегулову, который на первых порах с любовью и горячо взялся за дело.

Вскоре, однако, у А. М. Горького появилось опасение, что Камегулов не справится с теми задачами, которые стоят перед журналом. Он опасался, что Камегулов втянет журнал в групповую борьбу. Великий писатель считал разногласия крайне вредными. В письме к А. Б. Халатову от 30 сентября 1930 года он писал: «Литучебу» хотят сделать органом определенного литературного кружка. Вот это меня не устраивает».

Ниже с некоторыми сокращениями публикуются три письма А. М. Горького к А. Д. Камегулову.

Т. ДМИТРИЕВА,
научный сотрудник Института мировой литературы

«УЧИТЬСЯ НАДОБНО У МАСТЕРОВ»

Май 1930 г.

[...] 1. Вы совершенно правы, указывая, что журналом «взят слишком высокий тон» и что этим тоном мы «можем оглушить нач[инающего] писателя». Мне кажется, что не только в этом деле, но и во всех делах, вы, столичные, считаетесь главным образом со столицей, ее ближайшими окрестностями и с родственниками по духу. Это—ошибочно. «Россия — государство уездное» — все еще, все еще! И внимание должно быть направляемо не на друзей и родственников, а на миллионы врагов, но таких, вот, один из коих, сегодня прислал мне письмишко, и в нем говорит: «фабрики да науки не дадут покою, а хуже затягивают петлю». Тон статей «Литучебы» необходимо «снизить», я говорю это не впервые и не только по отношению к нашему журналу. Что значит — «снизить»? Надобно писать проще. Все и обо всем можно говорить просто. Дельная статья Волошинова выиграла бы вдвое, будь она сделана более простым языком. Ваше предложение «наводить критику» со стороны читателей засыплет Вас и всю редколлегию массой словесного хлама. С этим надобно подождать до 6-го и даже до 10 №-а, а в 11—12—дать ответы. Так, пожалуй, будет лучше. К тому времени у редколлектива сложится рабочий опыт.

2. Ваше предложение «ввести отдел вариантов стих. и проз. вещей крупных русских писателей»—приветствую! Отличное дело.

3. Также хорошо придумали Вы и о фаб. заводских газетах. Присовокупите сюда и красноармейские. Военкорам и начинающим «бойцам» никто не помогает и неловко читать, когда они жалуются на то, что «не избалованы вниманием писателей». В одну из книжек я попытаюсь дать статейку о «Красноармейце» за 29-й год. Обратите внимание на Сергея Михайлова, автора интереснейшей книги «Бригадная роща».

4. «Круг чтения»—тоже хорошо. Очень. Думаю, что начать следует с XIX в. и даже придется, пожалуй, захватить XVIII-й. В сущности следовало бы сделать так: разделить «круг» на секторы—комический роман начать пришлось бы со Скаррона, затем—Фильдинг «История Тома Джонса».

Сатирический. Бытовой. Психологический. Смешанные формы. Так в 2—3 года мы могли бы дать хорошее знакомство с историей Европейской литературы на образцах. В деле этом был бы весьма полезен Анатолий Виноградов. Впрочем — Вы лучше меня должны знать, кто к чему годен из молодых литературоведов.

5. Халатову об Альманахах пишу.

6. По поводу иностранцев. Напишу: Гамсуну, Синклеру Льюису, Б. Шоу, Цвейгу, Генриху Манн. Думаю, что статью даст Гамсун, а остальные или не дадут или заломят такие гонорары, что Вы — ахнете и упадете в обморок. Когда Б. Шоу спросили: что заставило Вас написать эту вещь? «5 тысяч фунтов»—ответил он. Р. Роллану не могу писать, я с ним немножко поссорился. Он и Цвейг собирались написать возражение на книгу Панайота Истрати,но—не сделали этого до сего дня.

7. Очередное письмо к читателям послано в другом пакете.

8. Об очерке писать—не буду. Пробовал, но—оказалось, что это не моя тема. Тут нужен литературовед-специалист. Мне же трудно писать потому, что у меня целые книги, напр.— «По Руси», «Ералаш» написаны в смешанной форме очерка-рассказа. И это не только потому, что они ведутся от «первого лица». Мне трудно расчленить у самого себя очерк и рассказ, так что я неизбежно запутаю читателя в моей собственной неурядице. Тут нужно взять очерки: Слепцова, Левитова, Г. Успенского и противопоставить им рассказы Чехова, Бунина, можно — Мопассана. На такую работу у меня нет времени. Не напишет ли Груздев? У Вас там столько литераторов!

9. Письмо Ваше в «Литгазете» читал. Из содержания его явствует, что Вы должны были написать и напечатать его. Но—сколько пустяков приходится преодолевать![...]

10. Книжку Вашу еще не получил.

11. То, что Вы написали о «возможности конфликтов», разумеется, очень тревожит меня. Не хотелось бы, чтоб эти «конфликты» отразились на журнале, который — по моему мнению — должен и может сыграть весьма крупную, культурно-воспитательную и революционную роль. Замена Вас другим лицом в самом начале дела—принесет делу серьезный вред.

Должен признаться, что я плохо понимаю «ваши разногласия». Их так много, они возникают каждую неделю, разбираться же в них — у меня совершенно нет времени. Да и охоты—нет, прямо скажу[...] Разногласия ваши — на мой взгляд — очень ничтожны и крайне вредны. Педагогически крайне вреден и тон, коим высказываются «разногласия». Возможно, что я ошибаюсь, но мне кажется: личные отношения между вами, партийцами, говорят о том, что вы очень плохо воспитаны политически. И если б здравствовал Владимир Ильич, он бы, поверьте, сократил эти бесконечные дискуссии процентов на 50. Минимум. Не сердитесь на меня.

Жму руку.

Конец сентября 1930 года

[...] Вы тоже не ответили мне на письмо, в котором я по поводу статьи Тымянского, говорил, что мы, редакция журнала для малограмотных, не имеем права утверждать, будто наука безучастно относится к жизни. Утверждая, что «наука спокойная обитель, далекая от всяких треволнений», мы, атеисты, вычеркиваем из истории культуры многовековую трагедию борьбы науки против религии и впадаем в явное и порочное противоречие с нашей действительностью, которая создается на основах, выработанных наукой. Марксизм-ленинизм суть наука. Думаете ли Вы, что Владимир Ильич позволил бы возбуждать в массе читателей скептическое отношение к естествознанию? Вместо того, чтоб указать Тымянскому на его невежество нигилиста, Вы указываете мне на его чины и талантливость, забывая о том, что «таланты» не исключают невежества[...]

...В письме В[ашем] из Ст[арого] Крыма есть много такого, с чем я не согласен. Вы — против «академизма». Академизм, по-Вашему, заключается в том, что «Литучеба» занимается только Пушкиным, Гоголем и т. д. и что это похоже «на обучение стрельбе из пистолетов эпохи Наполеона». Это остроумно, хотя и не ново, ибо сказано давно, кажется Валерианом Майковым, и это —фактически не верно, ибо «Литучеба» оперирует не только с материалом Пушкина и др., а делала попытки—неудачно—оперировать и на материале «пролетарской прозы». О том, что Вы против «учебы у классиков», Вам следовало заявить в Ленинграде, в комнате Европейской гостиницы, когда Вы, Лебединский и Чумандрин беседовали о программе и приемах работы «Литучебы».

Я — решительно за то, чтоб молодые литераторы учились простоте и ясности работы, словом, у мастеров этого дела. Учиться надобно у мастеров. Если б этого не было—люди не достигли бы той высоты развития науки, техники, искусства, какою они обладают. Учиться—не значит подражать, а значит—осваивать приемы работы и развивать их дальше, как это делают «изобретатели» в области техники, а работники науки в эксперименте. Вся история культуры есть не что иное, как процесс непрерывного усвоения поколениями людей трудового опыта предшествовавших поколений. Это особенно хорошо доказано Карлом Марксом и Лениным.

У классиков можно и следует учиться приемам построения рассказа, романа, работе над фразой, точности и экономии слова, т. е. —силе изобразительности словесного искусства... Возражения против учебы у классиков мне совершенно непонятны и весьма напоминают о тех «вредителях», которые разрабатывали мало «рентабельные» рудники, скрывая те, которые содержали более значительное количество золота.

Язык совершенствуется, к сожалению, более медленно, чем пушки и пистолеты. Наш современный язык отчаянно засорен провинциализмами, «местными речениями», старым хламом мещанской разговорной речи. «Просвирни», языком которых восхищался и умело пользовался Пушкин,—давно перемерли. С 60-х годов города заговорили языком лавочников и вообще мелкой буржуазии. Литературный язык классиков, очищенный от шлака мещанства, —наше богатое наследство и я не вижу причин отказываться от него.

Молодые писатели технически беспомощны, хотя богаче стариков житейским опытом и живут в эпоху чудовищно богатую «впечатлениями бытия». Любой из наших «очеркистов» знает в 50 раз больше, чем какой-нибудь Новиков-Прибой, который хорошо знает только «Морские рассказы» Станюковича и переводную с английского, «морскую беллетристику». «Литучеба» должна бороться за чистоту языка, за расширение лексикона, за точность и ясность слова, изображающего жизнь—в движении, человека—в действии. Стремление технически вооружить «начинающего» писателя нельзя именовать «академизмом».

«Академизм» я вижу в статьях по вопросам политграмоты, идеологии. Эти статьи у нас пишутся торопливо, небрежно, казенно, «суконным» языком. Пафос, казалось бы, совершенно естественный в наши дни, совершенно отсутствует в этих статьях, его место занимает вульгаризация идеи. Это касается не только «Литучебы», это чувствуется во всей нашей «ведущей» журналистике. Весьма похоже, что возрождается к жизни старый интеллигент, спец «по мудрости» и, несмотря на свой внешний демократизм, аристократ по «духу».

Статья Фингерта в 5-ой книге «Литучебы» — счастливое исключение из правила, которое становится общим для молодых «учителей жизни». По вопросам идеологии надо писать проще, не щеголяя вычитанной мудростью, подтверждая — по возможности — каждое положение фактами современной действительности, которая, исходя из живой теории, еще более энергитирует, укрепляет и оправдывает ее истинность. «У нас очень мало современного материала» — пишете Вы. У нас, вообще, всего еще мало. Вы писали, опираясь на материал трех книжек. Разумеется, я ничего не имею против приближения к современности, расширения материала за ее счет. Но титул журнала — «Литучеба» — определяя его цель, кое к чему обязывает нас. Вам необходимо решить для себя вопрос: чем занимаетесь Вы в «Литучебе» — литературно-технической педагогикой или же литературной критикой? Это не совсем одно и то же, но, при умении, при желании это можно гармонически объединить. Можно очень хорошо—к сожалению!—объединить и прошлое с настоящим, прошлое умирает медленно и даже, частично, возрождается. Вот я Вам посылаю письмо 18-летнего батрака,—одно из десятков писем этого тона, поставьте автора письма рядом с героем «Медного всадника» Пушкина, оба они испуганы жизнью одинаково. Ужас перед жизнью наших дней, когда совершается небывалое в истории человечества превращение раба земли в хозяина государства, ужас этого раба глубже, мрачнее ужаса рабов эпохи Петра. Именно на этом ужасе и строят свои надежды реставраторы старины.

«У нас мало **такой** теории, которая помогла бы нашим читателям не только объяснять, но и изменять жизнь»—пишете Вы. Что это значит? Какой «такой» теории не видите Вы, марксист? Это сказано Вами очень неудачно.

Вы указываете на «новое» в нашей действительности: «общественный буксир», «промфинплан», «сквозные бригады» и т. д. Все это действительно ново и прекрасно. Как же Вы думаете объединить это с делом обучения литграмоте? Ваш план? Необходимость обучать малограмотных людей редакторской работе в колхозных и стенных газетах,— тоже хорошая задача. Кажется, есть даже специальный институт, где этому делу обучают, но я совершенно не представляю, как можно делать это в журнале? Обучение редактуре может быть успешным лишь тогда, когда оно ведется на опытах, наглядно, т. е. — на писании статей, правке их и вообще — на деле, а не на словах. Вы пишете: «Я не предлагаю выбросить (?) или урезать как-то нашу программу, по-моему, она бьет в цель». Вы не согласны, что журнал «очень плох», как я утверждаю. Но когда рабочий благодарит Вас за журнал, у Вас «волосы встают дыбом», когда Вы подумаете, что рабочий «благодарит за академический журнал».

Я знаю, что у нас письма пишутся торопливо даже тогда, когда их пишут о серьезном деле, но Вы написали мне уже слишком торопливо. Впрочем, Вы сами говорите, что «не совсем продумали соображения насчет осовременивания «Литучебы».[...]

2 декабря 1930 г.

[...]«Всесоюзное значение» журналов, которые выходят в 10 т. экземпляров—более чем сомнительно в стране, где книжки расходятся сотнями тысяч, с низкими тиражами журналов надо бороться, совершенствуя их; надобно устраивать конференции редколлегии, договариваться о солидаризации в работе, о выработке единой, «ведущей линии», о широком вовлечении в толстый журнал свежих сил и т. д.

Поймите меня: по моему мнению, мы должны работать на массу, а такие ст[атьи], как ст[атья] Мессера*, имеют в виду как будто бы цех и даже кружок. Заметьте, что литература становится боевым делом массы и что мы должны иметь в виду не только литкружки центров и областных городов, а и таких писателей, как те, чьи брошюры издает ВЦСПС. Очень обращаю Ваше внимание на книжку ударника Салова, она выходит на-днях, вот какие «романы» пишут у нас.

Одолеет ли рабкор, ударник ст[атью] Парамонова? Думаю, не одолеет. В. Десницкий даст ему очень хороший материал фактов. В нашем журнале я не вижу направления на массу—вот его главный недостаток.[...]

* Горький ошибся. Речь идет о статье Мессер Раисы Давыдовны.

Публикация Архива А. М. Горького.